

— Ну ладно, — смущенно протянул Чжу Хаожань. — Только быстрее, мне нужно сказать тебе кое-что очень важное.

Пэй Чэньцзин принес домой пакет с продуктами и принялся раскладывать их по холодильнику. Заметив, что внутри уже тесновато, он достал то, что не так быстро портится, оставил снаружи и кое-как всё утрамбовал. Только после этого он вспомнил про «важное дело», о котором говорил Чжу Хаожань.

— Какое еще важное дело?

Чжу Хаожань с виноватым смешком понизил голос и загадочно произнес:

— Ты все еще хочешь найти пару?

Пэй Чэньцзин безмолвно вздохнул:

— Ты что, решил сменить профессию и заделаться свахой?

— Нет, послушай меня. Самый быстрый способ оправиться от прошлых отношений — это завязать новые. Можешь не пытаться меня обмануть, я же знаю, что ты до сих пор не отпустил того человека. Разве я не предлагаю тебе свежий взгляд на вещи?

Как ему объяснить Чжу Хаожаню, что он действительно всё отпустил? Казалось, никто не верил, что он способен столь решительно оборвать эту связь: ни Сян И, ни Чжу Хаожань, и, судя по всему, даже Цзян Тин.

Пэй Чэньцзин не стал возражать и спросил:

— И кого же ты хочешь мне сосватать?

— Кхм, в общем так... Что ты думаешь насчет брата Сяна?

Этот сюрприз оказался настолько неожиданным, что Пэй Чэньцзин потерял дар речи, а затем нервно усмехнулся:

— Чжу Хаожань, ты что, объелся грецких орехов, которые дверью прищемило?

Иносказательно обругав умственные способности друга, Пэй Чэньцзин заставил того рефлексивно выдать пикировку. Обменявшись парочкой колких фраз, Чжу Хаожань решительно вернул разговор в нужное русло:

— Я серьезно. Брат Сян, конечно, не такой богатый, как тот тип, но тоже неплох. Собой хорош, а главное — характер у него золотой, и знаем мы его как облупленного. Уж он-то точно не позволит тебе страдать.

Логика Чжу Хаожаня была донельзя простой: неважно кто, лишь бы этот человек искренне заботился о Пэй Чэньцзине. Но среди всех его знакомых не было никого, кому он мог бы довериться — кроме Сян И.

Они росли вместе с малых лет, и каждый воочию видел, что из себя представляет Сян И. На свете просто не существовало человека, который подошел бы Пэй Чэньцзину больше.

Пэй Чэньцзин лишь горько усмехнулся:

— Не занимайся ерундой и не своди тех, кто не пара. К тому же, брат Сян, наверное, и не догадывается ни о чем, не стоит создавать ему лишних проблем.

Чжу Хаожань на мгновение осекся, после чего странным тоном спросил:

— Вы что, с братом Сяном теперь настолько чужие друг другу? Из-за того, что последние несколько лет почти не общались?

— Не выдумывай глупости.

Пэй Чэньцзин понимал, что Чжу Хаожань просто винит во всем Цзян Тина, якобы тот ограничивал его общение. Но на самом деле он сам отгородился от внешнего мира, и вины Цзян Тина тут не было.

— Сейчас не детство. У каждого своя жизнь, полно забот, и на всё подряд просто не хватает ни времени, ни сил.

Он знал, что Сян И прекрасный человек, и даже если бы у него появились какие-то просьбы, Сян И никогда бы не отказал. Пусть даже не сумел бы помочь сам, он бы из кожи вон лез, но придумал выход. Однако Пэй Чэньцзину это не нравилось: от подобного возникало тяжелое чувство неоплатного долга, а он с малых лет терпеть не мог быть кому-то слишком сильно обязан.

Чжу Хаожань вздохнул:

— Ты ведь не думаешь так и о нашей дружбе?

Пэй Чэньцзин не удержался от смеха:

— С чего бы вдруг? Ты же навеки лучший сынок твоего отца, наша отцовско-сыновья любовь высока как небо и глубока как море!

— Иди к черту! В древние времена за такие речи тебя бы в свиной шкуре утопили в реке! — преувеличенно возмутился Чжу Хаожань, а затем уже серьезно добавил: — Впрочем, не хочешь — как знаешь. Просто... постарайся смотреть на вещи проще. Нужно двигаться дальше, смотреть вперед. Я ведь боюсь, что если в один прекрасный день Цзян Тин явится возвращать тебя, ты сдуру его простишь.

Пэй Чэньцзин лишь спустя пару секунд моргнул и ответил, что этого не будет. Чжу Хаожань пробормотал что-то в духе: «И то верно, добрая лошадь не возвращается к объединенной траве». Повесив трубку, Пэй Чэньцзин подумал: с чего бы Цзян Тину вдруг склонять голову? Способность извиниться уже была для него пределом уступок. Стал бы он унижаться и молить о возвращении? Да даже если бы сам Пэй Чэньцзин захотел подобрать старую траву, у него бы не вышло.

Что же до Сян И... Пэй Чэньцзин хорошенько всё обдумал и понял, что попросту не способен вообразить себя с ним в романтических отношениях. Держаться за руки, обниматься, целоваться, делить одно ложе — от одной этой мысли по спине пробежала дрожь.

Он не вкладывал в это дурного смысла: Сян И был совсем не в его вкусе. В сердце Пэй Чэньцзина Сян И больше подходил на роль старшего брата. Пэй Чэньцзин искренне ценил его помощь, но никаких более близких чувств испытать к нему не мог.

Сян И напоминал бассейн с теплой водой: любой, кто контактировал с ним, отмечал его прекрасный нрав. И Пэй Чэньцзину было невероятно комфортно находиться рядом — не нужно было выдавливать из себя темы для разговора или испытывать неловкость, словно они были кровными родственниками.

Но если говорить о человеке, с которым предстоит делить постель... Мысли Пэй Чэньцзина вновь вернулись к тому времени, когда он только познакомился с Цзян Тинем.

Поначалу они были мало знакомы, и казалось, что Цзян Тин ко всем относится холодно и отстраненно. Но Пэй Чэньцзин свято верил: чем холоднее человек кажется снаружи, тем жарче и безумнее пламень у него в груди.

В юности Пэй Чэньцзин безумно жаждал ярких, сжигающих дотла чувств, и с годами это не изменилось. Он хотел прожить жизнь так, чтобы не о чем было жалеть, мечтал, чтобы две пылающие, словно огонь, души высекали друг из друга искры посреди обычной повседневности.

Жаль только, он горько ошибся в человеке. Цзян Тин оказался вовсе не той душой, которую он искал. Тот был страстен лишь в постели — временами Пэй Чэньцзину казалось, будто любовь Цзян Тина именно такова. И так продолжалось до тех пор, пока он не узнал, как выглядел Цзян Тин, когда по-настоящему любил кого-то другого.

Этого человека звали Сюй Юань. Пэй Чэньцзин был с ним не знаком, но догадывался, что тот принадлежал к тому же кругу, что и Цзян Тин. У Сюй Юаня было утонченное, прекрасное лицо — внешность, с которой Пэй Чэньцзин не мог тягаться.

На фотографии Сюй Юань озарял всё вокруг лучезарной улыбкой. Наверняка он улыбался тому, кто держал камеру, поэтому улыбка получалась такой счастливой, что Пэй Чэньцзин невольно улыбался в ответ.

Тогда он показал снимок Цзян Тину и спросил, кто это. Цзян Тин, похоже, никак не ожидал, что Пэй Чэньцзин наткнется на эту фотографию. Нахмурившись, он вытянул снимок у него из рук.

— Кто разрешал тебе копаться в моих вещах?

Пэй Чэньцзин, разумеется, расслышал леденящий душу холодок в его голосе — холод, от которого закладывало в груди. Собравшись с духом, он ответил:

— Выпало из щели, когда я протираю книжный шкаф.

Цзян Тин молча убрал фотографию в другое место, не пытаясь больше прятать ее от Пэй Чэньцзина, и уже обычным тоном произнес:

— Никто. Больше протирай здесь.

— Так кто же он в конце концов?

Настойчивые расспросы Пэй Чэньцзина слегка вывели Цзян Тина из себя, но Пэй Чэньцзиню было уже всё равно. Он прекрасно понимал: этот человек значит для Цзян Тина невероятно много — гораздо больше, чем сам Пэй Чэньцзин.

<http://bllate.org/book/26721/3200409>